

Б. В. Андрианов

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Современные успехи исторических наук (археологии, этнографии, истории) способствуют дальнейшему развитию материалистической концепции всемирно-исторического процесса и уточнению ряда звеньев общей схемы последовательной смены социально-экономических формаций. Советскими этнографами разрабатываются как отдельные социальные, так и хозяйственно-культурные аспекты этой темы¹. Развернувшиеся в последнее время теоретические дискуссии выявили, однако, ряд пробелов в наших знаниях; они поставили задачу расширения методов исследований и круга исторических источников. На этих дискуссиях вновь была поднята проблема социального строя древневосточных цивилизаций, обсуждены вопросы перехода от первобытнообщинного строя к классовым обществам, пути формирования государств и смены социально-экономических формаций². В обсуждении спорных проблем приняли участие многие историки, востоковеды, археологи и этнографы. Однако, по нашему мнению, в дискуссиях были недостаточно использованы материалы, характеризующие развитие производительных сил, историю хозяйственной деятельности обществ в разных природных зонах, историю хозяйственно-культурных типов. Созданное советскими этнографами понятие о хозяйственно-культурных типах, или группах, дополненное материалами исследований археологических культур, может быть привле-

¹ С. П. Толстов, Проблемы родового общества, «Сов. этнография», 1931, № 3—4; его же, Очерки первоначального ислама, «Сов. этнография», 1932, № 2; его же, К вопросу о периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1946, № 1; М. Г. Левин, К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», II, 1947; М. О. Косвен, О периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1952, № 3; М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4; А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, Сб. «Проблемы истории первобытного общества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. LIV, М., 1960; Б. Б. Пиотровский, О характере закономерностей в истории культуры, «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г.», М., 1961; С. П. Толстов, Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии, «Вопросы истории», 1961, № 11; Линь Яо-хуа и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы Китая, «Восточно-Азиатский этнографический сборник», II, ТИЭ, т. LXXIII, М., 1961, и др.

² См.: Л. В. Данилова, Дискуссия по важной проблеме, «Вопросы философии», 1965, № 12; О. А. Афанасьев, Обсуждение в Институте истории АН СССР проблемы «Азиатский способ производства», «Сов. этнография», 1965, № 6; А. И. Павловская, С. Л. Утченко, Научная жизнь сектора древней истории Института истории АН СССР за 1965 г., «Вестник древней истории», 1966, № 1; «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», «Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (Азиатский способ производства)», М., 1966; «Античное общество», «Труды конференции по изучению проблем античности», М., 1967, и др.

чено гораздо шире и полнее для решения некоторых дискуссионных проблем.

Хозяйственно-культурные типы — исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития³. Направление хозяйства и географическая среда в значительной степени определяли особенности материальной культуры народов — типы их поселений и жилища, пищу и утварь, одежду, средства передвижения и т. п. Множественность локальных проявлений человеческой культуры сочеталась с единством, с проявлением всеобщих закономерностей всемирно-исторического процесса⁴, определявших характер общественного строя и особенности хозяйства, способ добывания средств, необходимых для существования людей, способ производства материальных благ — пищи, одежды, обуви, жилища, орудий производства и т. п. Природа, служившая естественно-географической основой производства, предопределила в первобытную эпоху разнообразие материального производства в разных экологических средах, что в свою очередь отразилось на формировании, эволюции и закономерной смене различных хозяйственно-культурных типов. Последние наиболее отчетливо проявляются в комплексах предметов материальной культуры (и, отчасти, в духовной культуре); эти комплексы изучаются как археологическими, так и этнографическими методами, которые, дополняя друг друга, позволяют реконструировать по вещественным остаткам хозяйственный и общественный быт давно исчезнувших народов.

В докапиталистическую эпоху прогресс человечества зависел от развития основных форм хозяйства — охоты, рыболовства, собирательства, земледелия, скотоводства и ремесла. Со времен античности вплоть до конца XIX в. господствовало представление о том, что человек в своем хозяйственно-культурном развитии прошел последовательно три стадии: 1 — собирательство и охота; 2 — пастушество; 3 — земледелие⁵. Наиболее четко эта точка зрения была сформулирована немецким экономистом Фр. Листом (1842), который выделил следующие ступени: 1 — дикость; 2 — пастушество; 3 — земледелие; 4 — земледелие и ремесла; 5 — земледелие, ремесла и торговля⁶. В 1874 г. Дж. Герлянд внес поправку: по его мнению, растениеводство предшествовало кочевому скотоводству. Исследованиями Э. Петри (1890) и Э. Хана была доказана несостоятельность схемы Дж. Герлянда. Э. Хан, в частности, опубликовал в 1892 г. карту мира со следующими хозяйственно-культурными стадиями: 1 — охота и рыболовство; 2 — мотыжное земледелие; 3 — плантационное земледелие; 4 — европейское и западноазиатское земледелие; 5 — скотоводство; 6 — огородничество⁷. Буржуазные экономисты Дж. Герлянд и Карл Бюхер сконструировали трехступенчатую схему развития мирового хозяйства: «замкнутое домашнее хозяйство», «городское хозяйство», «народное хозяйство». В модернизированном виде подобные упрощенные схемы дожили и до наших дней. Американский этнограф Поль Бохеннан в своей книге «Social Anthropology» (1965) выделяет

³ Тесно связанное с «хозяйственно-культурным типом» понятие «историко-этнографическая область» здесь не рассматривается. См. М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 10—17.

⁴ См.: С. А. Артановский, Историческое единство человечества и взаимное влияние культур, Л., 1967.

⁵ См. F. L. Kramert, Eduard Hahn and the end of the three stages of Man, «Geographical Review», vol. 57, 1967, № 1.

⁶ Fr. List, Das national System der politischen Ökonomie, Berlin, 1842.

⁷ E. Hahn, Die Wirtschaftsformen der Erde, «Petermanns Mitteilungen», Bd. 38, 1892.

во всемирной истории хозяйства пять стадий, основанных: 1 — на охоте и собирательстве; 2 — скотоводстве; 3 — мотыжном огородничестве; 4 — развитом плужном земледелии; 5 — фабричной индустрии.

Главный недостаток подобных схем исторического развития производства — в игнорировании изменений способов производства (соединения общественного характера производства с теми производительными силами, которыми располагает общество в данной стране, в данный исторический период), развития форм собственности на средства производства и смены социально-экономических формаций. Для марксистской науки характерен иной подход к истории хозяйственной деятельности людей. Обобщая моргановскую периодизацию древней истории человечества, Ф. Энгельс наметил следующие рубежи в истории хозяйства: период преимущественно присвоения готовых продуктов (дикость — по схеме Моргана); период зарождения производящего хозяйства, введения скотоводства и земледелия, период развития методов повышения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности, завершающийся первым крупным общественным разделением труда и разложением первобытнообщинного строя (варварство — по схеме Моргана); начало цивилизации связано уже с отделением ремесла от земледелия, со все возрастающим географическим и общественным разделением труда, торговлей, появлением товарного производства, городов, с зарождением классового общества и государства.

Основные формы хозяйства — охота, рыболовство, собирательство, земледелие и скотоводство — претерпели изменения, в ходе исторического процесса, изменялось и соотношение между ними в общественном производстве. Современные методы абсолютной хронологии (в соединении с археологическими, историко-этнографическими и палеогеографическими характеристиками) дают материал для реконструкции хозяйственно-культурных типов разных эпох и в разных географических зонах⁸. Они позволяют выделить ведущие формы хозяйства в каждой из крупных эпох истории. Например, охота на крупных зверей в палеолите сплотила человеческие орды. Вынужденный переход к охоте на небольших быстро бегающих животных способствовал развитию мезолитической и неолитической техники изготовления оружия и орудий. В поисках добычи охотники каменного века освоили разнообразные ландшафты всех континентов. Охота на мелких животных, собирательство, рыболовство, охота на птиц, усовершенствованные способы охоты на крупного зверя — все это создавало базу для более или менее интенсивной эксплуатации природных ресурсов, но требовало обширных территорий. Плотность населения составляла от нескольких сот кв. км на 1 чел. до 1 чел. на 1 кв. км. Г. Кларк, например, оценивает неолитическое население Великобритании в 20 тыс. чел. (12 кв. км на 1 чел.)⁹. Л. Крживицкий отмечает для Австралийского континента (накануне европейской колонизации) большие колебания плотности (от 100 кв. км до 1 кв. км на одного чел.), чрезвычайную динамичность бродячих групп (насчитывающих в среднем 30—50 чел.) и очень низкие темпы естественного прироста¹⁰.

⁸ См.: D. Brothwell and E. Higgs (ed.), Science in archaeology. A comprehensive survey of progress and research. With a foreword by G. Clark, Bristol, 1963; J. C. D. Clark, Radiocarbon dating and the spread of farming economy, «Antiquity», vol. XXXIX, № 153, 1965; В. С. Титов, Роль радиоуглеродных дат в системе хронологии неолита и бронзового века Передней Азии и Юго-Восточной Европы, «Археология и естественные науки», М., 1965, и др.

⁹ G. Clark, Archaeology and society, London, 1939; C. Clark and M. Haswell, The economics of subsistence agriculture, London — New York, 1964, p. 27.

¹⁰ I. Krzywicki, Primitive society and its vital statistics, Warsaw, 1934, pp. 3—5.

Зона распространения многих древних хозяйственно-культурных типов постепенно расширялась в связи с миграциями населения и освоением новых областей. Являясь временем коренной перестройки всей материальной базы первобытного общества, верхний палеолит, мезолит и ранний неолит стали своего рода первобытной «эпохой великих географических открытий», когда были заселены и освоены обширные новые территории и в Старом и в Новом Свете. Этот процесс великого расселения человечества привел к образованию многих локальных вариантов человеческой культуры, обусловленных, прежде всего, многообразием источников существования на осваиваемых человеком территориях¹¹. Он сопровождался формированием древнейших хозяйственно-культурных типов: лесных охотников и собирателей тропических лесов и лесов умеренной зоны, бродячих охотников и собирателей гор и равнин аридной зоны, полуседлых рыболовов морских побережий и дельтовых областей, охотников за крупными степными травоядными животными и т. д.

В мезолите и неолите начали появляться различия в темпах прогрессивного исторического развития населения различных ландшафтных зон. Выделилась зона, где зародилось производящее хозяйство, основанное на растениеводстве и разведении домашних животных¹². В некоторых районах этому способствовало рыболовство и связанная с ним оседлость; в других — регулярный «сбор урожая» диких пищевых растений.

В Старом Свете к этой зоне относятся сухие нагорья (между 20 и 40 градусами сев. широты), характеризующиеся чрезвычайным разнообразием ландшафтов, очагами дикорастущих пищевых растений (злаков и бобовых), достаточным количеством тепла, плодородностью аллювиальных почв и т. п. Земледелие возникло из высокоорганизованного собирательства злаковых растений в определенных ареалах, где геоботаниками выявлены многие дикорастущие предки современных культурных растений. Так, например, Д. Зохари и Дж. Хэрлан считают, что пшеница-однозернянка domesticiрована в горах Загроса и Тавра, а двузернянка — в Южной Палестине¹³.

Новые археологические и палеоэтноботанические исследования в общем подтвердили полицентрическую концепцию зарождения растениеводства, разработанную Н. И. Вавиловым, хотя в некоторые из его выводов и были внесены коррективы¹⁴. В ходе исследований выявились наиболее древние очаги, где интенсивное собирательство постепенно сменялось растениеводством и присваивающее хозяйство (с экстенсивным использованием территории) перешло в производящее, что повлекло за собой смену хозяйственно-культурных типов (называемую некоторыми «неолитической революцией»). Резко возросла плотность населения. Например, по оценочным данным в долине Нила все племена неолитических

¹¹ См.: С. П. Толстов, Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии.

¹² См.: R. J. Braidwood and G. R. Willey (ed.), *Courses toward urban life: archaeological considerations of some cultural alternates*, «Viking fund publications in anthropology», № 32, New York, 1962; В. М. Массон, От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества (этапы культурного и хозяйственного развития по материалам Азиатского материка), «VII Международный конгресс доисториков и протосториков. Доклады и сообщения археологов СССР», М., 1966, и др.

¹³ J. K. Harlan and D. Zohary, *Distribution of wild wheats and barley*, «Science», vol. 153, № 3740, pp. 1074—1079.

¹⁴ См.: Е. Н. Синская, Учение Н. И. Вавилова об историко-географических очагах развития культурной флоры, «Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилова», М.—Л., 1966.

охотников, собирателей и рыболовов накануне земледелия насчитывали не более нескольких десятков тысяч; с развитием орошаемого земледелия за две тысячи лет их численность выросла и составила в эпоху Древнего Царства 3—6 млн. чел.¹⁵ Плотность населения поднялась до 200—400 чел. на 1 кв. км. Увеличилась общая численность населения земного шара в несколько десятков раз. Гуран Оолин оценивает население мира в VII—V тыс. до н. э. — в 5—10 млн. чел.; на рубеже нашей эры — 250—350 млн. чел.¹⁶

Для освещения развития и смены хозяйственно-культурных типов большое значение имеют исследования археологов в древнейших очагах растениеводства. В Новом Свете, в Мезоамерике, археолог Макнейш выявил, например, следующую смену хозяйственно-культурных типов в долине Тамаулипас: древнейший верхнепалеолитический комплекс охотников дьябло сменяется фазой лерма (8300—6300 гг. до н. э.), когда в хозяйстве начинает играть заметную роль собирательство; следующая стадия (7500—5500 гг. до н. э.) — стадия «сборщиков урожая» и появление окультуренного вида тыквы; к IV тыс. до н. э. появляются и другие виды растений и, в частности, маис; основа оседло-земледельческого хозяйства — развитое орошаемое земледелие — во II и I тыс. до н. э. знаменует утверждение производящего хозяйства. Удельный вес культурных растений в питании жителей вырос с 10 до 65—85%¹⁷.

В Старом Свете, в Юго-Западной Азии, определяются следующие хронологические рубежи¹⁸: охотники и собиратели злаков позднего мезолита — XI—IX тыс. до н. э. (Шанидар, слои B_{1,2}; культура кебарен в Палестине); мезолитические «сборщики урожая» (дикого ячменя и пшеницы) — X—VIII тыс. до н. э. (Натуф в Палестине, Зави-Чеми-Шанидар в Загросе); примитивное хозяйство охотников и собирателей с элементами «болотного» или «лимманного» растениеводства (ячмень, пшеница-однозернянка и двузернянка) и возможным разведением коз в период «докерамического неолита» — VIII—VII тыс. до н. э. (неолит «А» в Иерихоне, докерамические слои Али-Кош и др.); развитие ирригации, появление оседло-земледельческого хозяйства и скотоводства в VII—VI тыс. до н. э. (Али-Кош и Тепе-Сабз в Иране, Чатал-Гуюк в Анатоллии); первое разделение труда, специализация районов преимущественного скотоводства и поливного земледелия; открытие принципов самотечного орошения на дельтовых протоках в Южном Двуречье в VI—V тыс. до н. э. (Эреду XIX—X, Хассуна I—V, Тель-эс-Саван и др.); дальнейшее развитие ирригации, начало возведения дамб, появление бронзовых орудий, городской цивилизации, классовой структуры общества и зарождение государства (Эреду IX—I, Убейд 4, Урук. Джемдет-Наср, раннединастический период) — IV — рубеж III тыс. до н. э.

¹⁵ Goran Ohlin, Historical outline of world population growth «United Nations. World Population Conference. Belgrade, Yugoslavia 30 August to 10 September 1965», New York, 1965, p. 9.

¹⁶ Там же, p. 2.

¹⁷ R. S. Mac Neish, The origins of American agriculture, «Antiquity», vol. XXXIX, № 154, 1965, pp. 87—93; В. И. Гуляев, Новые данные о происхождении земледельческих культур Мезоамерики, «Сов. этнография», 1966, № 1, стр. 146—151.

¹⁸ E. Pogača, The relative chronology of Mesopotamia, part 1—11, «Chronologies in Old World archaeology». Ed. R. W. Ehrich, Chicago—London, 1965, pp. 133—213; F. Hole, K. Flannery and J. Neely, Early agriculture and animal husbandry in Deh Luran, «Current Anthropology», vol. 6, № 1, 1965; В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1961.

Таблица 1

Развитие ирригации в Южной Месопотамии

Гл. до н. э.	Хронология (по Э. Порада)	Орудия	Техника ирригации		
2000	Ур III (2113—2006) Аккадский период. Саргон (2371—2316) Раннединастический	Мотыги каменные и деревянные Бронзовые мотыги и лопаты	Строительство дамб и крупных оросительных систем	Орошение по бороздам	Появление водоподъемных сооружений (шадуф и т. д.)
	III II I				
3000	Джемдет-Наср.				
	Эреду II поздний		Урук	Орошение напуском	Появление бассейновых систем
	III				
	IV средний				
	V ранний				
	VI				
	VII				
	VIII				
4000	IX				
	X				
	XI				
	XII				
	XIII		Убейд 2		
	XIV				
5000	XV				
	XVI—XVIII		Хасуна		Открытые принципы самотечного орошения на дельтовых протоках
	Эреду XIX 5301±206				
	V				
	IV				
	5506±73	Хасуна			
	Тель-эс—Саван				
	III				
		Хасуна			
6000					
		Хасуна			

К древнейшим ареалам типа оседлых земледельцев и скотоводов относятся: переднеазиатский и восточно-средиземноморский (VII—VI тыс. до н. э.), иранско-среднеазиатский (VI—V тыс. до н. э.), нильский (V—IV тыс. до н. э.), индийский (IV—II тыс. до н. э.), индо-малайский (III—I тыс. до н. э.)¹⁹, китайский (III—I тыс. до н. э.), мезоамериканский и перуанский (III—I тыс. до н. э.)²⁰.

¹⁹ По мнению Т. Гаррисона, на Зондских о-вах (в частности на Борнео) культуре риса предшествовало развитое тропическое земледелие с культурами корнеплодов; но растительные остатки пока не обнаружены. Неолитические слои датируются 4000—2500 гг. до н. э.; остатки сеgetей, рогожи и тщательно сделанные лодки указывают на возможное знакомство и раннее употребление диких и культурных растений. См.: T. Harrison, Inside Borneo, «Geographical Journal», vol. 130, 1964, pp. 329—336.

²⁰ См.: Б. В. Андрианов, Проблема происхождения ирригационного земледелия и современные археологические исследования, «История, археология и этнография Средней Азии» (в печати).

В каждом из перечисленных самостоятельных ареалов существовали свои отдельные и одновременные очаги, где последовательно и постепенно развивались сложные процессы приспособления местных природных ресурсов к нуждам земледельцев; большую роль в этом сыграло развитие орудий труда. Начиная с эпохи мезолита в зоне горных долин Старого и Нового Света способы «саево-ручьево́й» ирригации, а позднее и орошаемое земледелие совершенствовались и после многих тысяч лет развития в эпоху господства металлических орудий превратились в высокоразвитое горно-террасное земледелие с каналами, акведуками, бассейнами и разнообразными водорегулирующими устройствами (историко-географические примеры — Сирия, Армения, Перу и др.). Подобный сложный путь развития проделало орошаемое земледелие и ирригация в дельтах и долинах крупных рек: от лиманного («болотного») земледелия, через регулирование водных источников с помощью обваловки разливов и сооружения защитных дамб, к сложно-развитым паvodковым системам орошения, регулированию сезонных разливов рек в масштабе крупных водных бассейнов различных стран (Египет, Месопотамия, Юго-Восточная Азия, Средняя Азия)²¹. В зоне подземных водных источников исторически сформировалась «кярризная» и «колодезная» ирригация (Иран, Индия, Синьцзян и др.).

В обширной зоне тропических лесов Юго-Восточной и Южной Азии, Америки и Африки сложилось земледелие с возделыванием корнеплодов и ряда специфических тропических культур²². В ряде стран Азии и Европы распространилось неполивное земледелие. Большую роль в распространении навыков земледелия и скотоводства сыграли культурные контакты между древними народами. Так, в Европе древнейший «путь зерна» был прослежен по ботаническим и историко-этнографическим данным А. де Кандодем, Н. И. Вавиловым, К. Зауером²³ и другими исследователями.

Характер распространения и последовательная смена хозяйственно-культурных типов на обширных территориях могут быть освещены на примере Средней Азии. Эта историко-этнографическая область отличается большим разнообразием природных ресурсов и резкими контрастами ландшафтов: сочетанием горных систем с вертикальной сменой экологических условий, обширных песчаных и глинистых пустынь со скудной растительностью и плодородных долин рек. Исследованиями археологов²⁴ раскрыта картина постепенного исторического продвижения в VI—III тыс. до н. э. раннеземледельческих культур юга Туркмении (основанных на лиманном и горно-ручьевом земледелии и скотоводстве) в зону неолитических охотников, рыболовов и собирателей степей и гор. В конце V и начале IV тыс. земледельческие племена проникли в дельту р. Теджен, где открыты остатки древнейших оросительных каналов второй половины IV — начала III тыс. до н. э., исследованы Геоксюрские поселения земледельцев (с характерными культурами ячменя, мягкой и

²¹ Д. Д. Букиннич, История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства, «Хлопковое дело», 1924, № 3—4; Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма в древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957; Б. А. Латынин, Вопросы истории ирригации древней Ферганы, «Кр. сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. 64, 1956, стр. 15—26, и др.

²² См. G. P. Murdock, Africa: its peoples and their culture history, New York, 1959.

²³ См., напр.: K. Saueg, Agricultural origins and Dispersal, New York, 1952.

²⁴ См. обзор литературы в кн.: «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М.—Л., 1966; «История таджикского народа», т. I. Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского, М., 1963, гл. I и II; В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, и др.

карликовой пшеницы)²⁵. В III и особенно во II тыс. до н. э. в эпоху бронзы зона производящего хозяйства продвинулась в бассейн Зеравшана (раннеземледельческие памятники Махан-Дарьи) и низовья Аму-Дарьи, в Ферганскую долину и некоторые другие районы, где в благоприятных условиях создались предпосылки для развития каирного и лиманного земледелия и постепенного перехода к орошению, основанному на обвалованных руслах и искусственных каналах²⁶.

В начале I тыс. до н. э. в целом ряде оседло-земледельческих областей Средней Азии произошла замена хозяйственно-культурного типа земледельцев-скотоводов типом оседлых земледельцев с развитой ирригацией и выделение типа полуседлых скотоводов; усилилась специализация земледельческих и скотоводческих областей, наметился антагонизм хозяйственных укладов (удачно выявленный В. И. Абаевым в авестийских текстах)²⁷; росла на основе скотоводства имущественная дифференциация; происходило разложение первобытнообщинного строя и утверждение в долинах рек объединяющей сильной власти; оформились первые государственные образования на территории Средней Азии, без которых невозможна организация ирригационного хозяйства в крупных масштабах²⁸.

Дальнейшая специализация скотоводства и формирование хозяйственно-культурного типа кочевников с круглогодичным циклом кочевания — явление более позднее²⁹. С. П. Толстов склонен относить этот процесс к I тыс. н. э. Формирование и быстрое распространение по огромной зоне Евразийских степей хозяйственно-культурного типа скотоводов-кочевников и вызвало, вероятно, цепную реакцию «великого переселения народов», что в свою очередь ускорило гибель рабовладельческих государств, переживавших в сер. I тыс. н. э. глубокий внутренний социально-экономический кризис.

К XIX в. после средневековых подъемов и кризисов в оседлоземледельческих оазисах, феодальных войн и смут, наметился новый подъем хозяйства. К этому времени четко оформились три главных хозяйственно-культурных типа Средней Азии и Казахстана: I — оседлых жителей оазисов, ведущих интенсивное земледельческое хозяйство с применением искусственного орошения (узбеки, таджики и др.); II — кочевников-скотоводов, часть которых занималась нерегулярным земледелием на своих зимовках (казахи, киргизы, туркмены); III — полуседлого населения (разводящего преимущественно крупный рогатый скот), занимающегося нерегулярным поливным и каирным земледелием на окраинах оазисов, а также рыболовством (каракалпаки и др.); в горных районах гор-

²⁵ Г. Н. Лисицына, Орошаемое земледелие эпохи неолита на юге Туркмении, М., 1965.

²⁶ С. П. Толстов и Б. В. Андрианов, Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме, КСИЭ, 1957, вып. 26; Б. В. Андрианов и А. С. Кесь, Развитие гидрографической сети и ирригации на равнинах Средней Азии, «Проблемы преобразования природы Средней Азии», М., 1967, стр. 24—39; R. A. Lewis, Early irrigation in West Turkestan, «Annals of the Association of American Geographers», vol. 56, № 3, 1966.

²⁷ В. И. Абаев, Скифский быт и реформа Зороастра, «Archiv Orientalni», т. XXIV, 1956.

²⁸ С. П. Толстов, Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования, М., 1948; В. В. Струве, Родина зороастризма, «Сов. востоковедение», 1948, № 5; М. М. Дьяконов, Сложение классового общества в Северной Бактрии, «Сов. археология», 1954, т. XIX; В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, М.—Л., 1959, стр. 122—135.

²⁹ См.: С. И. Руденко, К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках, «Географическое общество Союза ССР. Материалы по этнографии», вып. 1, Л., 1961.

нопастибишное и отгонное скотоводство сочеталось с богарным и мелко-оазисным поливным земледелием. Каждый из этих трех главных типов подразделялся на целый ряд локальных подтипов³⁰.

Примеры из истории различных областей Старого и Нового Света свидетельствуют о том, что социально-экономические последствия эволюции и смены хозяйственно-культурных типов были очень значительны. Весьма важны последствия изменений в соотношении главных форм хозяйства — земледелия и скотоводства. Возникнув почти одновременно с земледелием, скотоводство развивалось иными темпами, то обгоняя земледелие, то отставая от него. Попытка проследить на археологическом материале закономерную линию развития этих форм была сделана Б. Б. Пиотровским³¹. Его схема выглядит следующим образом: а) сосуществование примитивного земледелия и скотоводства; б) усиление роли скотоводства, легче дающего на низком уровне производительных сил прибавочный продукт; в) отделение скотоводства от земледелия и ведущая роль полукочевового (яйлажного) скотоводства; г) рост на основе скотоводства имущественной межплеменной и внутриплеменной дифференциации и процесса классобразования; д) второй подъем земледелия и образование на основе технически-развитого земледелия государств. Эта схема в общей своей форме подтверждается как материалами древнейших цивилизаций (Египет, Месопотамия), где процесс образования классовых обществ и государств протекал на рубеже IV и III тыс. до н. э. в своем «первозданном виде», так и на материалах более поздних цивилизаций (Урарту, Хорезм и др.).

Но следует отметить, что коренной вопрос о причине возникновения первой классовой формации, вопрос о причине и исторической необходимости появления и утверждения классов не получил в схеме Б. Б. Пиотровского достаточно полного раскрытия. На основе только одного скотоводства в тех исторических условиях примитивного производства могли, вероятно, сложиться лишь предпосылки для классовой дифференциации. В древнейших очагах земледельческих цивилизаций экономическая необходимость в труде большого числа людей, освобожденных от средств производства (военнопленных рабов), появилась, возможно, с подъемом орошаемого земледелия, при сооружении и эксплуатации мощных оросительных систем. Так, господствующий в VI—V тыс. до н. э. в Месопотамии тип примитивного «земледельческо-скотоводческого хозяйства сменился в IV и начале III тыс. специализированным типом оседлых земледельцев с развитой ирригацией. Необходимость в работах по сооружению защитных дамб и каналов создала предпосылки для объединения отдельных общин в своеобразные «водные союзы». На базе этих «союзов» и возникли города-государства Шумера³². Р. Брейдвуд относит создание развитой ирригации ко времени позднего Урука (3300—3100 гг. до н. э.) и Джемдет-Насра (3100—2900 гг. до н. э.)³³.

³⁰ См.: Б. В. Андрианов, Хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана (текст и карта), «Народы Средней Азии и Казахстана» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), т. I—II, М., 1963.

³¹ См.: Б. Б. Пиотровский, О характере закономерностей в истории культуры.

³² См.: В. И. Авдиев, Сельская община и искусственное орошение в Древнем Египте, «Историк марксист», 1934, № 6; F. Fish, Aspects of Sumerian civilization during the Third Dynasty of Ur III: Rivers and canals, «Bulletin John Rylands library», vol. 19, 1935, p. 98; А. И. Тюменев, Государственное хозяйство Древнего Шумера, М.—Л., 1956, стр. 200 и сл.; И. М. Дьяконов, Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер, М., 1959, стр. 130 и сл.

³³ R. J. Braidwood, The Near East and foundation for civilization, Portland, 1952, p. 39.

Исследования древних систем орошения в Хорезме показали, что в долинах крупных исторических рек Древнего Востока перед земледельцами встала проблема преодоления зависимости от изменений гидрографии. Она была решена путем совершенствования орудий труда и техники ирригации, создания дамб и мощных магистральных каналов, заменивших обвалованные русла эпохи первобытности, обеспечивших стабильность урожаев и долговременную эксплуатацию земель. В ходе решения этой задачи сельскохозяйственное производство приобрело более организованный характер, общие интересы ирригационного хозяйства объединили огромные коллективы в пределах обширных речных бассейнов. Однако строительство и ежегодная очистка искусственных «рек» и «дельт» потребовали увеличения трудовых затрат до таких размеров, что они стали превышать в определенный исторический период возможности трудовых ресурсов населения, обитавшего в границах оросительных бассейнов. Именно в этот период, вероятно, появляется необходимость в непрерывном притоке рабочих рук в оазис. В исторических условиях того времени это был насильственный пригон покоренных соседних народов; это был труд людей, не связанных непосредственно с основным производством, т. е. с полеводством (которое велось местной земледельческой общиной); это простейшее разделение труда способствовало зарождению и развитию рабовладельческого способа производства. Главные особенности производства этого периода — общественно-коллективный характер, простая кооперация, сохранение общинного труда в полеводстве и периодическое более или менее постоянное использование труда военнопленных в ирригации наряду с общинным трудом. Рабство и рабовладельческие отношения в раннеклассовых государствах однако не получили значительного развития, так как сфера применения рабского труда была ограничена; преобладали патриархальные формы рабства.

Развитому орошаемому земледелию в Хорезме предшествовало земледельческо-скотоводческое хозяйство эпохи бронзы и раннего железа, когда земледельческая община вполне справлялась с ирригационными работами. В VII—VI вв. до н. э. могущественная сако-массагетская конфедерация племен создала в Хорезме государство, что явилось важной предпосылкой для организации крупного ирригационного хозяйства и утверждения специализированного хозяйственно-культурного типа оседлых земледельцев с развитой ирригацией. Организация крупных ирригационных работ была невозможна без централизованного управления, и, что особенно важно, без определенной системы принуждения больших масс людей, необходимых для очистки каналов и проведения других ирригационных работ, в которых были заняты как общинники, так и военнопленные³⁴. Весьма возможно, что широко распространенная в средневековой Средней Азии трудовая повинность «бегар» или «бигар» (по очистке каналов, строительству стен, оборонительных рвов и т. п.) восходит к более ранним формам принудительных работ военнопленных. Сам процесс полеводства (обработка участка, посев, уход и сбор урожая) мог проводиться силами местных общин. Поэтому определение

³⁴ «Организационные» теории появления государственных образований на Древнем Востоке, начиная от Л. И. Мечникова до К. Витфогеля объясняют появление древнейших государств необходимостью организовать ирригационное хозяйство. Однако основная роль государства — «аппарата насилия» состояла в военном захвате и пополнении трудовых ресурсов, в принуждении больших масс людей для рытья и очистки каналов с целью расширения сельскохозяйственного производства и увеличения прибавочного продукта, отчуждаемого правящей верхушкой общества.

С. П. Толстовым общественного строя Древнего Хорезма как «общинно-рабовладельческого»³⁵ гаиболее удачно характеризует общество, производство которого базировалось как на труде местных земледельцев-общинников (в полеводстве и орошении), так и на труде покоренных соседних народов (в трудоемких крупных оросительных работах).

Положение в Хорезме резко изменилось в средние века с развитием техники орошения, сокращением необходимых трудовых затрат (в 5—10 раз) и общим ростом земледельческого населения в силу естественного прироста (в 2—3 раза). Это сделало возможным производство всего цикла сезонных ирригационных работ силами местных сельских общин.

В средние века совершенствование ирригационной техники, полеводства, при значительном уменьшении трудовых затрат и увеличении общей численности населения земледельческих оазисов, способствовали новому значительному подъему орошаемого земледелия. Оно стало хозяйственной базой обширных средневековых государств Востока. Рабский труд уже не являлся важным условием производства в целом, но он существовал в качестве уклада, широко использовался в товарном производстве крупных феодалов. В средние века вновь возрождаются и усиливаются общинные традиции; усиливается местная замкнутость. Отсюда застойность — создание замкнутых общественных и экономических систем, воспроизводящих себя по традиционной «модели». Причина застойности — в очень медленном совершенствовании земледелия, не всегда успевающего в своем прогрессе за естественным ростом населения. Именно эти особенности сельскохозяйственного производства имел в виду В. И. Ленин, когда, изучая производство в России, писал: «Законом докапиталистических способов производства является повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем основании...»³⁶. Именно в этом коренная причина устойчивости патриархально-родовых традиций, наблюдавшейся во многих областях мира в эпоху средневековья.

Различные историко-этнографические области развивались разными темпами, и многие народы миновали в своем историческом развитии отдельные стадии. Благодаря постоянным культурным контактам в различных областях Древнего Мира, происходившим иногда опосредствованно и на протяжении значительных промежутков времени, окраинные области накапливали культурные достижения раннеземледельческих центров и могли совершать скачки в своем развитии³⁷.

Во всемирно-историческом процессе каждый хозяйственно-культурный тип сыграл определенную историческую роль и прошел путь от появления до расцвета и упадка. Зародившись в IV—III тыс. до н. э. на Древнем Востоке в недрах первобытнообщинного строя, тип оседлых земледельцев с развитой ирригацией сыграл важную роль в становлении древнейших классовых обществ и государств. Потрясаемые классовыми противоречиями и разрушительными войнами древневосточные цивилизации приходят в упадок уже в первых веках до н. э. Появляются новые центры всемирно-исторического развития, зачастую связанные с иными хозяйственно-культурными типами. Так например, складываются античные рабовладельческие государства в Южной Европе, для которых характерно прежде всего плужное неполивное земледелие. Приток ра-

³⁵ С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 48.

³⁶ В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 57.

³⁷ См. также: Л. А. Фадеев, *Основные проблемы африканской археологии*, «Сов. археология», 1962, № 3, стр. 139.

бочей силы со стороны в этих государствах стал необходим лишь с зарождением и развитием товарного хозяйства, в условиях очень широкого обмена и торговли, когда сам человек с его мускульной силой превратился в товар, что было характерно для античной Греции и особенно для Римской империи. Античное общество и ряд древневосточных цивилизаций при всех их хозяйственно-культурных различиях объединяло важное условие прогресса сельскохозяйственного производства — обязательный приток военнопленных рабов.

Ограниченность воспроизводства рабочей силы при рабовладельческом способе производства делала невозможным существование этой формации во многих странах. На обширных территориях Азии, Африки, Америки сохранялись общества, живущие первобытным хозяйственным и общественным строем. В Северной и Центральной Европе, например, общины германцев, славян и других народов самостоятельно производили рубку леса, вспашку, посев, сбор урожая и переработку зерна. Земледельческие продукты дополнялись продуктами скотоводства, охоты, рыболовства, бортничества и т. п. Общинное неполное плужное земледелие, пройдя несколько этапов (1 — подсечная система в лесной зоне и переложная в степной и лесостепной зоне; 2 — двухполье; 3 — трехполье), с развитием мелкого индивидуального производства (как в сельском хозяйстве, так и в ремесле) стало в средние века хозяйственной базой феодальной Европы.

Хозяйственно-культурные типы в своем историческом развитии и последовательной смене сыграли существенную роль в социально-экономической истории человечества. Одни из них восходят ко времени древнего расселения людей, к периодам позднего палеолита, мезолита и неолита, другие появились позднее — в эпоху разложения первобытнообщинного строя и становления раннеклассовых обществ, рабовладения или феодализма. «Промышленная революция», сопровождавшая становление капитализма, деформировала и разрушила многие хозяйственно-культурные типы, сохранившиеся от предшествующих исторических эпох. На их месте стали складываться новые зональные комплексы экономического и культурно-бытового характера. Общая хозяйственная и социально-культурная картина мира к XX в. чрезвычайно усложнилась. Весьма показателен пример современной Африки, где сохраняются наиболее существенные различия в уровнях социально-экономического развития и значительное хозяйственно-культурное разнообразие: от примитивных собирателей и охотников Калахари, и сейчас живущих деформированным родовым строем, до оседлых земледельцев тропической зоны, скотоводческих племен саванн и, наконец, крупных народов Западной и Северной Африки, где в некоторых странах традиционные формы хозяйства и быта получают принципиально новую социально-экономическую базу³⁸.

SUMMARY

Recent progress in the historical sciences (archaeology, ethnography, history) promotes further development of the materialistic concept of a worldwide historical evolution process. Soviet ethnographers are working both on social and on economic and cultural aspects of this subject. Their concept of economic-cultural types or groups supplemented by archaeological data might be more widely used in resolving some debatable problems concerning the sequence of social-economic structures of society.

³⁸ См.: Б. В. Андрианов, Проблемы формирования народностей и наций в странах Африки, «Вопросы истории», 1967, № 9, стр. 101—114.

The main economic activities of the pre-capitalist era — food-gathering, hunting, fishery, agriculture and animal husbandry — underwent important changes in the course of history; their correlation within social production also changed. The great migrations leading to the distribution of mankind over all the earth's surface which took place in the Upper Palaeolithic, the Mezolithic and the Early Neolithic eras was accompanied by the formation of the earliest economic-cultural types. A zone appeared where appropriation of natural products was superseded by a producing economy based upon plant growing and animal husbandry. This last originated at the same time as agriculture but grew at a different rate — sometimes faster and sometimes slower. At a certain stage an important role was played by the rise of irrigation agriculture and the transformation of the economic-cultural type of a primitive economy combining agriculture with animal husbandry into that of settled agriculture at a high level. Social production based on irrigation agriculture became the foundation on which ancient class societies were built.

Economic-cultural types in their historical evolution and sequence have played an important role in the social and economic history of mankind, especially in the transition from primitive to class society. With the rise of capitalism many of those types were modified and superseded by new wider regional complexes of an economic character.
